

Один день

Солнце вспыхнуло веселыми огнями в стеклах окон. Послышалось щелканье пастушьего кнута. Женщины, выгонявшие коров, заспанными глазами смотрели на крытый брезентами вездеход.

— Председатель понесся,— сказала одна.

— Летит ни свет ни заря, — отозвалась другая.

— Сам не спит и другим не дает,— откликнулась третья.

Павел Алексеевич Глебов, председатель Острянского райисполкома, прищутив глаза, посматривает кругом. По обе стороны улицы разрослись тополя, акации, клены. А двенадцать лет назад, когда он приехал в Острянку, эта окраинная улица райцентра была словно после пожара: облупленные неогороженные избы, навоз да мусор. Нигде ни кустика, ни деревца. Большую часть садов уничтожил немец в годы оккупации, оставшиеся фруктовые деревья выкопали и выбросили сами колхозники, чтобы не платить налогов. А после упразднения налогов люди потеряли вкус к садоводству.

— Помнишь, Егорыч, как пришлось воевать за сады? — обратился он к шоферу.— А теперь — гляди!

— И как быстро! — отозвался Егорыч.

— А в Першино видел? Все плетни — к черту! Везде зеленые изгороди из шиповника и акации.

— Ваша выдумка.

— У других подсмотрел.

Павел Алексеевич задумался. Он никогда не подсчитывал, что сделал за свою жизнь, не оглядывался назад — спешил вперед. А нынче что-то на сердце беспокойно. Явилась потребность оглянуться, посмотреть, что сделано, не зря ли прошли эти годы.

Машина выскочила за село и понеслась по мощеной дороге меж лесных

Рассказ

полос. Глядя на дубки и клены, Глебов неожиданно спросил:

— Дороги-то, помнишь, Егорыч?

— Шофер о дорогах крепче всех помнит. Старые шофера, какие на прежних дорогах маялись, и посейчас вам спасибо говорят.

— Что я,— махнул рукой Павел Алексеевич, хотя слова Егорыча были ему приятны.— Колхозники да школьники, вот кто насадил.

— А кто поднимал народ на это? Я-то помню.

Глебов промолчал. Чем больше он вспоминал, какой Острянка была до его приезда и что ему пришлось здесь сделать, тем тяжелей становилось на сердце.

— Ведь несправедливо,— вырвалось у него.

— Верно, обидно! — поддакнул Егорыч, знавший, если не все, то многое из служебной жизни председателя. Сейчас он, пожалуй, не меньше самого Глебова жалел о том, что должно случиться. Павел Алексеевич был горяч, требователен, беспокоен, и все-таки старый шофер любил его. Председатель не только умел требовать, но и беречь человека, уважать его.

Восемнадцати лет он окончил среднюю школу. Его избрали секретарем райкома комсомола. Через два года война. Ушел на фронт добровольцем. Четыре года в боях. Стал капитаном, орденоносцем. Уже под Берлином срезало осколком ногу до колена. Когда вернулся, избрали председателем райисполкома. Обыкновенная биография... Через четыре года послали в отстающий район «на укрепление», затем во второй и в третий. В Острянке засел на двенадцать лет. В постоянной спешке дел они проскочили, как год. Казалось, ничего не успел сделать. Но, если внимательно посмотреть кругом, то ведь все это его осуществленные мечты и стремления. А теперь опять надо ехать на

укрепление... Вчера вызвал Глебова секретарь обкома и сказал:

— Думаем послать тебя в Каменку. Полный провал. Завалили с животноводством и полеводством. Плохо со школами. До строительства и благоустройства сел руки вовсе не доходят.

— А я что — затычка! — запальчиво вырвалось у Павла Алексеевича. Его лицо по-мальчишески вспыхнуло. В нем вообще было что-то юношеское — худощавая фигура и быстрые, несмотря на протез, движения, звонкий голос и эта горячность.

— Почему это затычка? Мы ценим тебя как опытного руководителя.

— Вы меня за двадцать лет посылаете в четвертый район! — не поддаваясь на похвалу, возмущался Глебов.

— А это плохо?

— А хорошо мыкаться туда-сюда! Я тоже человек, у меня семья...

Секретарь нахмурился и перевел взгляд куда-то в сторону, в угол комнаты, постукивая пальцами по столу. Наконец, сказал сдержанно:

— Прежде всего ты — коммунист. Впрочем, ежели ты не согласен — не настаиваем, другого найдем. Советую все-таки; подумай.

Они расстались холодно.

Сейчас Павел Алексеевич вспомнил разговор в обкоме, и ему стало мучительно стыдно за себя. Как всякий вспльчивый человек, он в такие минуты говорил не то, что отвечало его внутренним убеждениям. Он и сейчас не совсем разобрался, почему ему не хотелось уезжать из Острянки. Разве семья и материальное благополучие его останавливали? Чепуха. Его Надежда и мальчишки легки на подъем. А квартира и все необходимое ему и семье всегда найдутся, где бы ни пришлось работать. Может быть, он отяжелел? Когда первый раз его перебросили из Петропавловки в Дубовку, он был рад новому месту, новым людям и новым трудностям». А из Дубовки в Острянку перебрался охотно. Почему же теперь не хочется расстаться с Острянкой? Тогда ему было тридцать два, теперь сорок четыре. Неужели причина в этом? Но разве у него мало энергии? Разве он любит

отдыхать или бездельничать?

— Чепуха. Мы еще повоюем!— вслух сказал он, резко повернувшись на сиденье и крепко потирая руки.— Остановись-ка, Егорыч, я посмотрю.

Он вышел из машины и, заметно прихрамывая, зашагал через просвет лесной полосы в поле. Словно в воду, вошел по грудь в пшеницу. Длинные граненые колосья с налитыми зернами тяжело наклонились. Павел Алексеевич смотрел на чуть начинавшее желтеть поле до самого горизонта, сорвал пару колосьев.

— Что скажешь о пшеничке? — протянул он колосья Егорычу.

— Эх и хороша!

— Чудо пшеница. По-твоему, сколько даст с гектара?

— Да центнеров сорок...

— А может, пятьдесят, а? В прошлом году брали по сорок шесть. Ведь здесь Васильев хозяйствует...

С комсомольских лет Глебов мечтал выращивать на полях такие вот урожаи. По приезде в Острянку со всем пылом взялся за работу. Увлёк агрономов. Один из них, Васильев, занялся селекционированием. И вот в руках у Глебова колосья Васильевского сорта пшеницы.

— На следующий год обеспечим семенами Васильевской пшеницы почти все колхозы и совхозы нашего района,— поделился он заветной думкой и вдруг осекся, поскучнел — вспомнил, что не ему придется обеспечивать, да и будет ли новый председатель этим заниматься. Поборов чувство горечи, в раздумье произнес: — Люди останутся. Васильев — какой человек! Уважаю таких, кто свое дело любит больше себя.

— Знамо, нету ничего важнее человека... От него все зависит,— степенно согласился Егорыч.

И с такими людьми, как Васильев, с которыми ему, председателю райисполкома, пришлось вместе работать не год, не два, а двенадцать, надо расставаться.

— Заверни-ка, Егорыч, в Ключи! — спохватился Глебов.— Вчера звонили, неполадки на строительстве школы.

Поднялись на взгорok — в балке

забелели избы, многие крытые соломой.

— Никак не расстанемся с соломой — смотреть не могу.

— Некультурно, — поддержал председателя Егорыч.

В центре села новостройка, а рядом зеленел молодой сад, обнесенный еще не потемневшим штакетником. Несмотря на ранний час, у школы копошились люди.

Навстречу вышел бригадир в закапанной известью рубахе.

— Здравствуйте, Павел Алексеевич! Раненько вы.

— Как и вы. Ну, как?

— Кончаем побелку. Надо красить рамы, двери, полы, но выходит задержка: райпотребсоюз не дает ни белил, ни олифы.

— Как не дает?

— Шумилов говорит, нету. Осталось только квартиры секретарю райкома и председателю райисполкома покрасить, — глаза у бригадира хитро поблескивают.

Павел Алексеевич хмурится, по привычке опускает руку в карман и извлекает записную книжку. Черкает авторучкой, а сквозь зубы: — Я ему дам квартиры! Заберите белила и олифу сегодня же.

Бригадир довольно кивает головой и оглядывается на колхозницу, слышавшую их разговор. У нее в глазах одобрение.

Новые школы — гордость Глебова. При нем их построено двадцать восемь. И только две за государственные средства, остальные — методами народной стройки. А началось с чего? Приехал новый заврайоно, сибиряк. Объехав школы, он пришел к председателю райисполкома.

— Очень плохи школьные здания. Есть просто избы с земляным полом и соломенной крышей. У нас в Сибири таких нет.

— У вас в Сибири фашист не был и не спалил лучшие школы. Потом, у вас в Сибири леса, а тут — голая степь. Из чего строить-то?

— Строят же скотные дворы.

— То-то и есть, что еще телятники не построены.

— Телятники еще не построены, — медленно, с горечью, повторил заврайоно.

Услышав свои слова из уст другого, Глебов почувствовал их нелепость и рассмеялся.

— Выходит, телятники, дороже ребятишек, — и, встав, другим тоном договорил: — Едем! Убедил.

В Петровскую начальную школу попали в перемену. В единственном классе от земляного пола пыль столбом. Крошечное оконце пропускало мало света. Низкий потолок провис. Постоял Павел Алексеевич под взглядами притихших ребят и молоденькой учительницы — и вышел, забыв проститься. Плетневые сени только обмазали глиной с коровьим навозом. Он оперся и выпачкал руку. Еще постоял у школы. Ни изгороди, ни кустика, ни деревца, только непросохшие лужи с зеленой ряской.

— Да-а...

Объехали еще несколько школ немногим лучше первой, — Глебов молчал. Заврайоно понимал причины этого молчания и не навязывался со скороспелыми предложениями.

Уже возвращаясь, Глебов повернулся к заврайоно.

— Надо и учителям не стоять в стороне. Можно, скажем, этой осенью посадить пришкольные сады? Ага, можно. Вот и возьмитесь кое-что сделать по огорожению дворов. Только не будьте бедными просителями.

В тот год на строительство школ району отпущено было по бюджету средств на два объекта. А где взять средства на остальные? Председатели колхозов отнекивались, доводы у них веские, только слушай,

— Да мы еще без зернохранилищ.

— А мы скотные дворы строим.

Уважаемые пользователи!

Обращаем ваше внимание на отсутствие с.43-46 в публикации рассказа Анны Киселёвой «Один день». К нашему огромному сожалению, эти страницы безвозвратно утеряны.

.....
класс Песковской школы целиком, вместе с классным руководителем ушел на ферму.

Им хорошо — и работать интересно, и жить весело,— заключила Саша. Рая только кивнула головой.

- А где ваши одноклассники?

- Разлетелись. Кто в институт, кто на целину или на стройку подался... Девчата уехали в Кострому, на ткацкую фабрику.

- А вы почему не уехали?— спросил Глебов с какой-то неясной еще для него мыслью.

- Не пришлось,— нехотя созналась Саша.

- В колхозе надо кому-то работать,— тихо, будто про себя, сказала Рая. У нее была манера говорить так, словно она не совсем уверена в том, что высказывала, раздумывала над этим. Павел Алексеевич пристально глянул на эту застенчивую, милую девушку. В сумерках лицо ее с низкими черными бровями казалось бледным и печальным. Он понял — девушки намеренно остались в колхозе, стремясь осуществить свою мечту, а теперь им трудно.

Подошли двое — бригадир и пожилая свинарка.

— А обидней всего, что над нами смеются: учились-учились и больше никуда не сгодились как свиней кормить,— опять перешла на скороговорку Саша.

— А што ж, неправда?— тут же отозвалась подошедшая свинарка.— Какие сгодились, те в институтах в инженеры выходят и денюжки огребают, а вы в навозе ковыряетесь.

— Вот, послушайте!— обратилась Саша к председателю.— Из-за одного этого не всякий останется в колхозе.

— Валька Озерова потому и не идет на ферму, что насмешек боится,— вставила Рая.

— Какой же смех? Не вы первые. В газетах хвалят,— вмешался бригадир.— А ты, Марфа, отсталый элемент.

— В газетах одно, а в жизни бывает другое, вот как у нас,— с горечью вырвалось у Саши.

Глебов подумал: верно, новое рождается в муках, с трудом и болью. Он почувствовал все большее уважение к девушкам и гордость за них,

мужественно ступивших на нелегкий путь, и в то же время ему было жаль их.

— Они-то годятся: сдали 460 центнеров свинины. Это тебе, Марфа, не жук на палочке,— назидательно сказал бригадир.

— Свиней накормить всяк сумеет, тут и грамоты не надо,— отрезала Марфа.

— И умный не всяк сумеет. Вот по их группе привес ежедневно по 690 граммов, а по твоей — 220 на голову. Разница?— допекал строптивую бригадир.

— Ты меня не тычь,— взъерилась она.— Будто не вижу, что делается? Как корма выдаете, а? Девчатам получше да побольше. А свиней каких отобрали? Породистых. А мне дохляков сунули?..

— Кто отбирал? Кто отбирал? Мы сами вырастили!— закричала Саша.

— А племя-то от каких свиноматок?— не унималась крикливая.

— Брось ты арапа заправлять! Одна у нас порода и корма одни, только уход разный!— тоже закричал бригадир, забыв о начальстве.— Отчего они у тебя дохляки, а? Оттого, что весной и осенью в свинарнике болото, грязь по колено. А зимой в корытах наморозишь и льешь корм на землю, а свиньи голодные. Одна другой уши обрывают. Сколько раз тебе, Марфа, попадало? Скажи, что не так?

— Мы своих и чистим и моем,— тоненько подала голос Рая, но ее, видимо, никто кроме Глебова не слышал.

— Вы подлизываетесь к начальству, вам поблажки, то да се,— яростно кричала Марфа,

— Мы подлизываемся? Мы?— тоже перешла в крик задетая за живое Саша.— Что то да се? Нет, ты объясни, что это то да се?— но, глянув на председателя, - оборвала крик и отошла в сторону.

— Твои речи, Марфа, несправедливые, — взял примирительный тон бригадир, доставая кiset и, свертывая сигарку. — Девушки стараются, и понятие у них большое, культура.

— На черта мне загнулась эта культура! — не унималась расвирепевшая Марфа.

— Если так, если она говорит—

порода, то пусть берет нашу группу, а мы ее!— гневно выпалила Саша.— Увидит, что получится из ее щетинистых дохляков! Мы докажем!

— Мы докажем!— прозвучал голос Раи.

— Верно, возьмите, девчата!— подхватил бригадир.— Нехай Марфа после поморгает глазами.

— На черта мне ваша группа!— продолжала беситься Марфа, но менее яростно. Должно быть, она не ожидала такого оборота дела и не знала, как поступить. И соблазнительно взять группу ухоженных свиней, и боялась, как бы девчата не утерли ей нос. Срамота на весь колхоз...

Павлу Алексеевичу все стало ясно, но расставаться с девушками не хотелось. Надо помочь им, подбодрить, и еще что-то смутное, глубоко спрятанное волновало его. Он пошел их проводить. Ферма находилась в километре от села. Стежка пролежала через поле ржи. Возшла луна, осветив все своим волшебным светом. Во ржи бойко кричали перепела.

— А не жаль вам передавать вот так, за здорово живешь, свою группу, бросать результаты своего труда?— продолжил разговор Павел Алексеевич.

— Чего жалеть? Не в провальную яму бросаем, все людям останется,— ответила Саша.— Да и Марфа увидит, поймет, а то от ее свиноводства один убыток.

— Увидит,— подтвердила Рая. Павлу Алексеевичу по-особому стало хорошо, хотелось высказать этим милым девушкам не только одобрение, а что-то большее и найти для этого необыкновенные слова.

— Вы, девушки, избрали правильный путь, хотя и трудный,— начал он.

— Работы не боимся,— не удержалась Саша.

— Понимаю. Я не о том. Нелегко прокладывать в жизни новые пути. Понимаю — нельзя молодому человеку, да и всякому жить только трудом, хотя труд — главное...

— Главное,— выдохнула Рая, глядя на него заблестевшими глазами.

— Жизнь, ну, как сказать, должна быть наполнена... многим. Лишь тогда человек будет счастлив. Надо добиваться этого наполнения, надо!

Девушки слушали его молча. В лунном свете их лица были прекрасны. Пусть слова председателя обыкновенные, будничные, но они вырвались искренне, взволнованно, и девушки почувствовали это.

— Буду помогать вам. Подберем хорошего заведующего клубом. А вы не останетесь в стороне, помогите заведующему привлечь молодежь в художественную самодеятельность — живая струя и культурная сила...— а про себя подумал: «А я еще мало занимался самодеятельностью».— Вслух же сказал:— Есть еще о чем и вам, и мне подумать и заняться. Мы еще встретимся и поговорим, А сейчас будьте здоровы!— он протянул одной правую руку, другой — левую, чувствуя ответное пожатие.— Спасибо вам за вашу работу и за то, что вы такие хорошие!

— Вам спасибо!— ответили обе.

— Мне не за что, я еще не заработал,— и Павел Алексеевич пошел к машине.

Дома все спали. Глебов прошел в спальню и включил свет. Сняв пиджак, он присел на кровать. Жена открыла сонные глаза. — Приехал?

— Знаешь, Надюша, давай-ка завтра собираться, поедem в Каменку.

— Все-таки надумал.

Он встал и распахнул окно. Вспомнились слова, сказанные Сашей: «Не в провальную яму бросаем, все остается людям».